

ЖУРНАЛ

ПАРТА #6

**ЕДИНАЯ
РОССИЯ**

ВЫСШАЯ
ПАРТИЙНАЯ
ШКОЛА

ИТОГИ ПЕРСПЕКТИВЫ ПЛАНЫ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ
ВИРУСЫ ТЕСНИТ
САМЫЙ НАСТОЯЩИЙ

82 СТР.

НЕ БЫВАЕТ
ПРОБЛЕМНЫХ
РЕГИОНОВ. БЫВАЮТ
НЕРАБОТАЮЩИЕ ИЛИ
РАБОТАЮЩИЕ

6 СТР.

ВСЕ ЭТО КАЖЕТСЯ
ФАНТАСТИКОЙ ИЛИ
НЕКОЙ ВОЛШЕБНОЙ
СКАЗКОЙ

77 СТР.

ЧТО ОКАЗАЛОСЬ
САМЫМ ТРУДНЫМ

24 СТР.

ПЕРЕЧИТАЛ
КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО
«ЖИВОЙ КАК ЖИЗНЬ»

12 СТР.

«ЕДИНАЯ РОССИЯ»

– ЭТО ИНСТРУМЕНТ, КОТОРЫЙ
ДЕЛАЕТ ГОСУДАРСТВО СИЛЬНЕЕ

Александр Александрович Карелин — депутат Государственной Думы пяти созывов, сенатор Российской Федерации, член президиума Генерального совета «Единая Россия». А еще — легендарный борец, не раз завоевывший звание лучшего в мире. Человек, который выходил на ковер со сломанными ребрами и порванными мышцами и одержал около 900 побед. Такого человека невозможно ни сломать, ни согнуть. Невозможно подчинить конъюнктуре. Он будет заниматься только тем, во что искренне верит и в чем видит смысл и толк.

Сан Саныч, о многом хочется вас расспросить. А начать разговор, что называется, с ботинков. И в переносном, и в прямом смысле. Правда, что у вас обувь 51-го размера и где такую достаете?

— Правда. Еще и полнота немаленькая. Всего пятнадцать лет назад с обувью было сложно, а сейчас подходящие мне ботинки в продаже все-таки есть. Знаю три магазина, в которых могу найти нужный размер. Посещаю их, перед покупкой обувь обязательно приходится мерить. Один из таких магазинов находится в столице нашей родины, в Москве, недалеко от цирка на Цветном бульваре. Небольшой обувной магазинчик, вот там и заказываю.

И, конечно, все мои друзья, болельщики и не очень, знают, что лучший для меня подарок — ботинки. Бывают совершенно неожиданные приобретения: кто-то замечает издалека на витрине подходящий ботинок, подходит, уточняет размер — и тогда я становлюсь счастливым обладателем новой пары. Но это скорее со спортивной обувью. А солидную, модельную — обычно только под заказ.

В 1999 году повсюду были плакаты, на которых изображены Шойгу, вы и Гуров. Как все начиналось? Помните тот период?

— Кто-то из умных сказал, что люди часто за свою память принимают свое воображение. Я, надеюсь, из другой категории, — той, что называется трезво-мыслие. Поэтому да, помню. Помню наши предварительные разговоры, беседу с Сергеем Кужугетовичем Шойгу и даже мою шутку — я и не предполагал, что смогу пошутить в присутствии «целого» министра по чрезвычайным ситуациям по поводу своей дикции, но вот-таки сложилось.

До знакомства с Шойгу у меня уже было приглашение в «Отечество» — после непростого объединения об этом уже можно говорить спокойно. Но региональ-

ная организация, учредительную конференцию которой мы провели для «Отечества», не выдержала проверки. Светлая память Виталию Петровичу Мохову, который сделал свою версию — и как раз в версии Виталия Петровича «Отечество» было принято Лужковым.

А меня в 1999 году пригласил Сергей Кужугетович (позже, в 2000-м, он возглавил партию «Единство»). Тогда же состоялось знакомство с Александром Ивановичем Гуровым. Я читал «Лев прыгнул», где он первый публично заговорил о советской мафии, читал в хрестоматийном изложении историю создания Гуровым в СССР, затем в России спецслужб по борьбе с организованной преступностью.

Так началось наше сотрудничество.

На рубеже веков политикам было непросто во всех смыслах. Помню, как то же «Отечество» дразнили «пиццей Лужкова» из-за логотипа...

— Было. Было очень много разного, но и по-настоящему интересного. Когда я разговаривал с Борисом Николаевичем Ельциным, выдвигал одно условие: я готов *работать*. И с Шойгу именно об этом договаривались. Если просто «для мебели», то неинтересно.

Получается, политика для вас — это и работа, и образ жизни?

— Образ жизни — нет, ни в коей мере, этому до сих пор не «научился». Возможность, новые знания — да. Хотя тогда так сложно не думал. Просто понимал и сейчас понимаю, что стабильность самоценна.

Ценен баланс?

— Баланс все-таки подразумевает равновесие. Поэтому не баланс, а именно стабильность. Когда при неравновесии, при сложных соотношениях не только весовых, но и потенциальных надо удержать все в стабильном состоянии. Предложить именно это вме-

Фото из архива Партии

сто того, что все тогда переживали — развалить и потом разбираться. Помню, после первого опыта в кампании как участника, как соискателя доверия я сказал Шойгу: «Вы, Сергей Кужугетович, являетесь ликвидатором, а я, такое ощущение, что ассенизатором здесь оказался». Нам же за все доставалось: за развал Союза, за все мыслимые и немыслимые огрехи и истории. И до сих пор на нас пытаются взвесить все. Приходилось отвечать очень остро. Это сейчас можно многословно, взвешенно, аргументированно. Тогда же в ходу был лапидарный язык плаката, митинговщина — и это для меня точно не образ жизни.

А вот возможность увидеть разных людей, увидеть страну — это по-настоящему было интересно. Хотя нагрузка совершенно другая.

Согласен, это очень интересно. Сан Саныч, вы за стабильность. А можно ли сказать, что сегодня, когда Партия выросла, вы через свою работу в Комиссии по этике, фактически, включились в сохранение все той же стабильности?

— Я не сторонник того, чтобы «пропечатывали». Но в политике есть особые экзамены, которые нужно сдать. И мне есть с чем сравнивать. Уже была одна партия, которая отвечала за все происходящее в стране — сейчас имею в виду КПСС. Я был комсомольцем. И не просто, а комсоргом спортивной сборной. Ее последним комсоргом. Когда наши старшие товарищи решили создать республиканскую партию, они сначала распатронили огромную всесоюз-

ную партию, а потом распатронили и все государство. И ни Советского Союза, ни комсомола не стало. В этом проблема, в том числе для меня.

Есть же правила, понятные и обоснованные. Например, вышел на обозрение — не держи руки в карманах. А ведь мы, «Единая Россия», взяли на себя много больше, чем находиться на виду. И спрос соответствующий. На вопросы, чем занимаюсь, отвечаю: «Служу!» И подтверждать людское доверие — это каждый раз сложный экзамен. Не только в период выборов. А уж на выборах только заявлялся — ты уже на экзамене. И никто не делает скидку, выучил ли ты материал, понимает ли тебя взыскательный преподаватель, входящий в сложную, труднопроизносимую категорию — электорат.

Помню вашу первую избирательную кампанию. В те годы вы были еще студентом.

— Тогда представляете контраст. Студенческий город Томск. Рядышком, буквально стенка в стенку — атомград Северск. С одной стороны — жесточайшая дисциплина, ядерные протоколы, а с другой — брызжащая молодежная импульсивность, желание новенького и к каждому встречному два запроса... Хорошо понимаю, как изменилась студенческая аудитория, поскольку проводил со студентами встречи в 1999-м, 2000-м. В те годы первое: «Дайте нам гарантированную работу после института!» А второе: «Разрешите легкие наркотики!» Рядом поставите такое невозможно. Говорю: «Хотите распределение?», в от-

вет: «Как это?» А так. Вы же хотите гарантированную работу, дорогие собеседники, значит, должны поработать. Государство дает вам возможность, знания и диплом установленного образца. Так идите и попляшите. «Не-не, мы сами хотим!» Не обязательно по профессии. Спрашиваю: «И при чем здесь легкие наркотики?» — «Ну как, либеральные ценности...» Разгул разрешенного!

Прошло время, все попробовали. Поняли, что иностранная колбаса, может, красивая, но не самая мясная. И то же самое во всем остальном. В Томске это особенно наглядно. И то же — в феномене Новосибирского научного центра, созвучного в концентрации умов, интеллекта.

Новосибирский Академгородок сейчас очень динамично растет.

— Растет. А в основе, опять же, совмещение традиций. Поэтому, возвращаясь к вопросу об этике, о Комиссии по этике, о моем местоположении, о самоощущении, ответил бы так: я противник разукрашивания советских фильмов, не сторонник переименований, зато я за понимание того, что есть общая точка опоры под названием система ценностей.

Женя Гришковец, который корнями тоже из Сибири, в «Сатисфакции» говорил примерно следующее: мы и тогда, и сейчас живем по правилам, но вы пытаетесь жить по законам. Правила, ценности, традиции — сделали, признали, воспользовались, выросли. Вот основная история, в том числе моя. В том, что в Новосибирской области живет «садовник» Виктор Михай-

лович Кузнецов, которому желаю здоровья и продуктивного долголетия. Человек, который воспитал меня как борца. Не могу сказать, что это мой тренер, потому что он НАШ. Сейчас я уже «удобрение», а он до сих пор «садовник». Вот на таких «удобрениях» вырастают такие люди, как Роман Андреевич Власов — борец, двукратный олимпийский чемпион, двукратный чемпион мира, четырехкратный чемпион Европы, действующий атлет. Тоже наш, его ниоткуда не привезли. А почему Академгородок растет? Потому что есть академические институты. Сочетание с тем, что сохраняется и передается, рождает новое.

Огромное количество умов уехало за границу. Все эти будоражающие воображение показатели наших программистов в головной конторе у Билла Гейтса и прочих. И это же математики, создатели не программ, а предпрограмм, алгоритмов! Но многие поняли, что нужно вернуться. Посмотрите на тот же Институт ядерной физики имени Будкера — что там сейчас происходит.

Интересно, что даже автор концепции «черного лебедя» Нассим Талеб отмечает, что лучшие кризис-аналитики — русские.

— Да, потому что есть школа. В том числе в смысле места: чтобы люди съехались, учились, работали и ничто им не мешало. А то ведь до сих пор ломают копы, правильно ли построены первый корпус госуниверситета и новый, через дорогу, на территории, где прежде были сосны. Начинаются битвы за права медведей, хомячков, бурундучков, и забываются другие

важные вещи. Приходится напоминать, хотя разговариваем все время об одном и том же.

Вы вспомнили Гришковца. Много читаете?

— Читаю. В марте болел «модным» заболеванием — подцепил коронавирус. И понял, что телик смотреть нельзя, надо читать. Прочел трилогию Бориса Порфирьева с прозаическим названием «Борцы». Хорошая, интересная. В определенный момент с околоспортивных утверждений и цирковых постулатов Порфирьев переходит к борьбе по гамбургскому счету. Гамбургский счет, кстати, — чисто борцовский принцип.

Перечитал Корнея Чуковского «Живой как жизнь», где он рассуждает о русском языке с позиции лингвиста и журналиста. Рекомендую прочесть каждому, особенно «фабрикантам». Девиации с языком происходят, а я все-таки 20 лет депутат Госдумы, партийный строитель.

Сейчас наконец-то мне досталась, долго ее искал, книга Дан Сяопина «Избранное» — редкое китайское издание с хорошим русским переводом. Это и записки Сяопина о беседах с Киссинджером и другими знаковыми людьми, и «Цитатник» с его размышлениями о государственном строе. В последнее время все чаще задаюсь вопросом, действительно ли и почему мы не могли изменить, а не развалить Советский Союз и компартию? Сегодня за Молдавию — мы, за Украину — мы (хотя там, понятное дело, сложно), за Беларусь — мы, за Азербайджан и Армению — мы. А стоило ли отказываться от своего влияния, если за все отвечает Россия, если на нас по-прежнему все смотрят? Когда-то было принято быстрое решение, но не всегда прямой путь самый короткий.

Мне кажется, многие только сейчас начинают «трезветь». Долго твердили, что распад Советского Союза был эволюционно обоснованным. С той же убежденностью, с какой похоронили создаваемые нами ЭВМ — наши компьютеры, альтернативные, российские. Но считаю, что Союз имел полное право на жизнь.

— Для принятия верных решений нужны ценности, правила. Как человек, имеющий опыт в законодательстве, скажу, что когда ты по статусу законодатель — это одна история. И другая — когда понимаешь, что ты законодательно обеспечиваешь происходящее в государстве, определившись и поддерживая линию Президента. Не пытайся произвести впечатление шумными, хлесткими, зачастую неисполнимыми «подробностями», которые называются популизмом. А молча решаешь: «Да, вот это правильно!» И пытаешься объяснить другим, почему ты в этом убежден.

Тогда яснее понимаешь, что правила решают, верно или неверно, хорошо или плохо. Опоздал — извились. Вошла женщина — поднимись. Не протянули тебе руку — не бламывайся, потому что старший имеет преимущество. Спасибо говори громко, а не шепотом. Это простые правила, но их никакими законами не напишешь. Замечательная женщина Людмила Алексеевна Кожевникова, которая создала и до недавнего времени возглавляла новосибирский реабилитационный центр «Олеся» для детей со сложными заболеваниями, однажды сказала: «Все должны понимать, что сдать разбитую параличом мать в богадельню — это преступление». Вот и все. Можно долго рассказывать, а можно коротко и емко.

Сан Саныч, за 20 лет в политике реализацией какого проекта гордитесь больше всего? Какой стал основным?

— Должен сказать о бюджетных возможностях, за которые мы, «Единая Россия», всегда голосовали даже через тернии. Чтобы обеспечить ту самую стабильность — с чего начал, о том и продолжу. Она в нашей способности сегодня настаивать на своей позиции за рубежом (а это тоже часть бюджета, его закрытая часть, оборонная). И в восстановлении сил правопорядка, создании системы, которая уже не советская, но, очевидно, достойная суверенного государства. Сейчас говорю обо всех структурах: о госбезопасности, об огромнейших задачах, которые решает Министерство внутренних дел со всеми его подразделениями, о появлении национальной гвардии. Я имел честь служить во внутренних войсках, и хотя сейчас они называются иначе, Росгвардия, но их задачи остались, какими были — сохранение и защита конституционного строя. Как офицер внутренних войск, понимаю, что сложные операции на русском Кавказе определяются именно в этом — в сохранении конституционного строя и его защите. Поэтому, отвечая на ваш вопрос, что для меня является основным «проектом»: основной проект — это стабильное государство.

Мы не пытались понравиться, шли на сложные объяснения. Помню, как столкнулся с подобным первым раз. Мы в период одной из первых четвертей Партии, еще когда «Единство» не прошло через сложное объединение с «Отечеством», поддержали закон о переработке облученного ядерного топлива. Поддержали, продавили, опираясь на союз четырех депутатских фракций и депутатских объединений в Государственной Думе. Тогда смастерили мое чучело, словно чучело Чемберлена, и сожгли перед моей приемной в Новосибирске. Выхожу, спрашиваю: «В чем дело?» В ответ, понятно, ярлык — липкие, хлесткие. «Вы, го-

сударство, делает ядерную помойку из страны!» А я в детстве жил неподалеку от НЗХК – Новосибирского завода химконцентратов, который производит топливо для ядерных реакторов. Разбираюсь в теме. Давайте, говорю, посмотрим, о чем идет речь. Раньше мы как отходы хоронили? Либо бросали на дно океана в бочках, либо под Красноярском закладывали и бетонировали, причем даже не тяжелым бетоном, и так оставляли. А сейчас будут хранилища, переработка. «Вы пылесосите, собираете отходы из Германии, из Франции!» А я вам могу сказать, у нас своих реакторов под замену было порядка двух десятков.

И вот прошло 20 лет. Построены современные высокотехнологичные хранилища. Освоили переработку. Уже оказывается, можно с природной активностью возвращать уран в работу. И когда это видишь, начинаешь считать, объяснять все намного легче, чем тогда. Да, можно было в начале не идти сложным путем, не объяснять, а просто попытаться понравиться, отказавшись от закона. Можно было. А я считаю, что мы поступили правильно.

Про спорт меня чаще всего спрашивают: «Что ты сделал для спорта?» Однако для меня самые важные изменения – те, например, что внесли в Градостроительный кодекс. Что теперь нельзя построить микрорайон без школы, школу без стадиона, а если рядом школа или детский сад, стадион строится с бассейном. Сейчас можно длинно сказать про возможности первоначального отбора, правильную систему ценностей и здоровый образ жизни. А на деле все стало просто: пришел – доступно.

В 1998-м побывал на одной из первых презентаций АСТ-500 (атомный реактор мощностью 500 МВт, разработанный в СССР). Запад костями готов был лечь, чтобы мы отказались от проекта.

– Это часть конкуренции. Но они почему-то всю правду всегда проламывают, а мы, чтобы понравиться, отказываемся от своих интересов, даже от того, что несет нам очевидную выгоду. Мы сговорчивые, мягкие. У меня много подобных историй.

Например, в мой последний период в Госдуме служил в комитете по энергетике. Пошел туда, потому что был в Германии, в том числе по линии фонда Горчакова (Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова – прим. ред.). На Потсдамских встречах в наш адрес слышал одни упреки. Меж тем на газовом форуме под эгидой Газпрома вроде люди те же самые, однако ж совершенно другая подача. А уж когда камеры выключены, тогда и вовсе говорят: альтернативы российскому газу нет, потому что вы единственные, кто нас не подвел, мы не замерзли, каких бы перепадов

температуры ни было, по цене договорились, по расщоткам договорились. Включается камера: «Все плохо, сохраните украинский коридор, зачем вам “Северный поток”?» Но ведь добыча поднялась и сэкономили на «плече»? «Да, но об этом – без камер». Вот так сравниваешь и делаешь выводы.

В любом хозяйстве есть одно простое обстоятельство – разумная достаточность. В том числе в партийном строительстве. У нас в «Единой России» тоже ведь были разные периоды. Сначала главным являлась численность, нам нужно было нарастить массу. Потом наступил период ревизионизма. Пусть даже мы это так не называем, но мы это тоже делаем – вентилируем состав. Появилась в какой-то степени, быть может, смешная для нас, для молодой Партии, формулировка «люди, утратившие связь». И сейчас остаюсь убежденным сторонником положения, что людей нужно ровно столько, сколько нужно под проект. Каждый должен понимать свою применимость, занятость и значимость.

В задачи межрегиональных координационных советов ЕР входит поиск ярких людей, готовых объединить свою репутацию с Партией. Объединить, а не наоборот! На определенном этапе к Партии начали прислоняться. Потом появились те, для которых ЕР – прыжок, чтобы заскочить куда-нибудь побыстрее. Но в «Единой России» каждый раз все совершенствуется. Появилось предварительное голосование – внутрипартийное, с присутствием не членов Партии. Для чего мы это делаем? Чтобы подтвердить, что вправо. Почему этот механизм не использует никто из других участников политического процесса? Потому что им экзамены сдавать не хочется. А ведь это необходимая состязательность. Помните: греки, меритократия. Наделение властью по заслугам.

«Карелин-Фонд»: какие цели и задачи у него?

– Мне из-за фонда иногда достаются незаслуженные упреки. Приезжаю как-то в Томск, там как раз сложная кампания – выборы в городской совет, которые всегда проходят бурно. А мы турнир по борьбе проводим. Причем уже то ли 17-й, то ли 20-й. Слышу, говорят: он хитрый, он-де проводит юношеские турниры, потому что заранее их задумал под кампанию. Но фонд создан давным-давно! Получается, я еще в 1992 году, когда провели первый всероссийский турнир, был насколько продуманным, что предполагал в 1999 стать соискателем мандата депутата ГД и претендовать на доверие людей!

Какие цели и задачи? Фонд поддержки спорта «Карелин-Фонд» – это в первую очередь лаборатория. Организовал его не самостоятельно, это было пред-

«Карелин-Фонд»
фото К. Крулянского

ложение двух новосибирских журналистов: Федора Сергеевича Якушева, который тогда возглавлял журналистику в Новосибирске, и Александра Николаевича Безрядина (светлая им память). Началось все с частного: они обратились ко мне с предложением учредить спортивную газету. Моя задача как человека, умеющего открывать двери уже тогда, была найти бумагу для печати. Нашел, напечатали многотысячный тираж. Но когда я во втором номере на развороте увидел заголовок «Олимпиада гомосексуалистов в Сан-Франциско», сказал: «Подождите, подождите, у нас что, больше писать не о чем?» Так газета переросла в движение в поддержку спорта.

Время трудное. Растерянность. Союза не стало, никто не понимает, куда идти и что делать. Кто готов помогать, даже имея большие возможности, не знает, как это сделать. Первые семь-восемь лет у нас даже счета не было: пришли, попросил, помогли напрямую. Например, купили форму для юных борцов, инвентарь, да просто подарки новогодние: ящик мандаринов и коробку конфет россыпью! И принесли это в спортзал или в детский дом, вручили без помпы. И моя задача – чтобы те, кому помогли, громко сказали спасибо посредством той же газеты.

Постепенно выработали алгоритмы, как помогать, как предлагать, как сравнивать и проводить турни-

ры. Как добиться, чтобы с борьбы – не межпартийной или классовой, а спортивной – сняли униженный ярлык «непопулярно, незрелищно, без жизни». Как пропагандировать значимость и уважение к труду тренера. Для этого нужно правильно «упаковать». Пришли к пониманию, что пресс-центр турнира должен жить дольше турнира. Начинать работу раньше по понятным причинам – чтобы решать пропагандистские задачи по продвижению. И рассказывать о борьбе, спорте, труде наставников даже после того, как турнир расформирован, все разъехались, помосты разобраны и софиты выключены.

Для себя я ставил основную задачу так проводить турниры Карелина, чтобы никто потом не сказал, что победитель Олимпийских игр по борьбе появился в Новосибирске случайно. Роман Власов перед тем, как выиграть Олимпийские игры, трижды побеждал на юношеском турнире «Приз Карелина». Шла полемика сделать соревнования для взрослых. Приходилось настаивать: нужно проводить соревнования для юношей, чтобы ребята пришли в спорт и выросли в серьезных взрослых борцов.

Чтобы продвигать турниры, я просил коллег, олимпийских триумфаторов в разных видах спорта, приезжать и проводить встречи в школах. И эти невероятные популярные люди рассказывали школьникам: «Через

две недели «Приз Карелина». Мы тоже там будем, раздадим автографы. Приходите и посмотрите на этот удивительный образ жизни под названием классическая борьба». Греко-римская борьба в нынешнем прочтении.

Организовывали спортивные лагеря в каникулярный период. Пусть все потрескалось, рухнуло — мы не перекладывали это на семейные бюджеты. Сами делали необходимое, чтобы ребятам было куда приехать. Первое время на досуге играли в футбол, а потом я придумал выдавать обязательные для прочтения книжки. Ребята в спортивный лагерь приезжали разные и по возрасту, и по отношению к чтению. Кто-то много мог показать на ковре, а читать начинает — тык-мык, друзья смеются. Или, наоборот, умница, а в спорте еще не получается. Наша задача — совместить. Поэтому читали все по скользящему графику. Чтецов не готовим, но вникнуть в текст, понять его, научиться читать — это обязательно. А после ребята писали эссе на заданную тему. Например, почему выбрали именно борьбу. Наши прежние воспитанники уже сами взрослые, стали отцами, а их юношеские эссе до сих пор хранят. И когда-нибудь увидят свет.

И все это «Карелин-Фонд».

Фонд, повторюсь, — это лаборатория. Как упаковать, как предложить, как использовать разноплановый опыт. Например, проводим турниры в Кемеровской области и в Томской. У нас есть традиционный набор правил, одно из которых — организационный комитет обязательно должен возглавить глава региона. В Томской области на тот момент губернатором был Виктор Мельхиорович Кресс, в Кемеровской — Аман Гумирович Тулеев. Разная харизма, разный подход, разная манера подачи материала. И если в Томске мы проводили только в областном центре, то, учитывая структуру Кемеровской области, там провели турниры и в Новокузнецке, и в Кемерово. Потом заехали в Читу. Равиль Фаритович Гениатулин — удивительный губернатор. Дальше оказались в Омске — Леонид Константинович Полежаев. Все они очень разные. И все это мы «упаковывали».

В Горно-Алтайске прошлым летом проходили выборы главы субъекта, и мы приурачили к ним наш «Ку-

бок силы». Республика Казахстан против Республики Алтай. За один вечер одиннадцать категорий в разных возрастах: юниоры, юноши, взрослые. Провели на стадионе «Спартак». Природа подарила нам замечательную погоду. Формат наглядный, все «читаемо». Порадовало, что методики, которые сосредоточены, переведены, накоплены фондом, помогли в тот августовский вечер привести на трибуны стадиона несколько тысяч человек. Во-первых, зрители с огромным интересом посмотрели поединки. Во-вторых, я попросил своих коллег, двукратного чемпиона мира Александра Владимировича Игнатенко и победителя Олимпийских игр Мнацакана Фрунзевича Искандаряна, проехаться по районам республики (она немногочисленна по населению, но разбросана, разная по доступности) и встретиться с молодыми ребятами. Это тоже подача, предложение. Хорошее слово — пропа-

ганда. Поэтому фонд — это в том числе лаборатория, как правильно подходить.

Опыт, который мы в фонде отработали на борьбе, стал калькой. Пришли пытливые, способные не нить и начали применять его в других сферах. Появились другие значимые проекты по поддержке спорта, к примеру, Академия Александра Владимировича Попова — их мероприятия проводятся в замечательном фестивальном формате.

Вам только что позвонили, и вы достали кнопочный телефон. Смартфоном не пользуетесь?

— Уже давно служу, и у меня есть помощники. Какие-то «опусы» они мне показывают. Почему кнопочный телефон? Во-первых, живу с убеждением, что те но-

«Карелин-Фонд»
фото К. Круглянского

«Карелин-Фонд»
фото К. Круглянского

ПАРТИЯ ЗАБОТЫ
И УВАЖЕНИЯ

#Онлайн-форум #ЕР54

ПАРТИЯ ЗАБОТЫ
И УВАЖЕНИЯ

#Онлайн-форум #ЕР54

ПАРТИЯ ЗАБОТЫ
И УВАЖЕНИЯ

#Онлайн-форум #ЕР54

ПАРТИЯ ЗАБОТЫ
И УВАЖЕНИЯ

#Онлайн-форум #ЕР54

«Карелин-Федор»
фото К. Крулянского

ности, которые мне неважны, я и без них смогу прожить. Зачем ковыряться в силосе, который еще не переквасился, не прошел проверку на достоверность? А те, что мне необходимы, меня и так настигнут, не смотря на кнопочный телефон.

А во-вторых, достоинство всех этих пластмассовых устройств – быстрое реагирование. Но оно же деформирует наше мировосприятие, а самое главное, выхолщивает наши речевые и эмоциональные способности. Например, для рассказа об особенностях выборов в Законодательное собрание Новосибирской области мне нужно будет напрячься и изложить факты. Или могу нажать на экран, показать таблицу, показать фрагменты встреч и наиболее ажиотажные проявления. Вопрос именно в этом. Мне хватает кнопочного телефона. Все-таки предполагаю читать книги. И встречаться с людьми живьем – это уникальная возможность, которая подтверждена моим местоположением здесь, внутри «Единой России».

На фоне такого плотного, спрессованного графика много ли времени остается на семью?

– Что вы! Мало. Но мне повезло: и папа, и жена, подарившая мне замечательных детей, настолько доверчивы, что, несмотря на мое постоянное отсутствие,

остаются верны и любят. И моя мама, ныне покойная, была такой же.

Ясно, что я командировочный. Когда боролся, дома почти не бывал, а когда стал партийным строителем и депутатом Госдумы, бываю еще реже. И иногда, понятное дело, возникают отнюдь не молчаливые вопросы: «Для чего?» Но радует то обстоятельство, что к утверждению «Я служу» вся моя семья относится с уважением и пониманием.

Получается ли службу обсуждать с семьей?

– Порой настоящие «акции протеста». Мой любимый полемист Александр Иванович Карелин однажды задал вопрос: «Как тебе не стыдно за пенсионную реформу? За монетизацию?» Сам он 1936 года рождения. Говорю: «Александр Иванович, она нужна». Когда мы ввели денежное выражение льгот, то «упаковщики», «фабриканты общественного мнения» применили неуместный, недопустимый, крайне неудачный оборот «монетизация». А монетизация все-таки предполагает звонкую мелочь, паперть, подавание. Но мы с полемистом Александром Ивановичем, и я объяснил: «Смотрите, как все происходит. Вы пенсионер, я военный пенсионер. Вам сейчас что лучше выбрать: гипотетические «лготные зубы» или все-таки день-

ги, на которые вы, если зубы сохранили, можете машину заправить или леденцов купить внукам?». Конечно, он выбрал второе. Вот это и есть монетизация.

Конечно, службу с семьей обсуждаю. Возникают разные вопросы, но агитацию дома не веду. Потому что для меня самое важное, чтобы каждый на своем месте выполнял свои задачи. И вот эти утверждения работают и дома, в семье.

Повторю тот самый вопрос, что возникает у вашей семьи: для чего? И для кого? Партия родилась при вас и живет сейчас. Какой она была и какой стала? Если сформулировать в трех-четыре предложениях?

– Могу сформулировать даже одним предложением: «Единая Россия» – это единственная на настоящий день структура, которая появилась путем объединения. И, к сожалению, для нашего сегодняшнего пространства она продолжает оставаться единственной такой. Все остальные отпочковываются, делятся, скандалят. Даже модные пресловутые оппозиционеры (хотя не вижу в них очевидных признаков той самой оппозиционности) больше рассказывают, обзывают. Поэтому, повторюсь, «Единая Россия» – это единственное политическое построение, которое появилось путем объединения.

Речь идет и о непростом процессе объединения, который предшествовал появлению Партии. Сначала жесткое противостояние «Отечества» и «Единства», молчаливое и с подвохом наблюдение всех регионов России. Потом, когда все-таки смогли прийти к общему опусу и Президент призвал лидеров на региональном уровне, конференции шли крайне сложно, тяжело. Потом история с «Аграрной партией», когда аграрии присоединились.

Сегодня, исходя из процессов объединения, «Единая Россия» занята тем, что представляет интересы большей части населения. В том числе той части, которая незаметна – об этом тоже должно сказать. Той, которую по телевизору не показывают, которая на протесты не выходит и занята простой, но очень ответственной «подробностью» под названием работа. Работают люди! На селе, на заводе. И ведь мы делаем так, чтобы эти заводы были. Мы не предполагаем обсуждение организационной формы или формы собственности – мы говорим о том, что везде должны быть одинаковые правила, те самые законы. И в частном секторе, и в государственном.

Поэтому – создание правил, их поддержание. И представительство тех, кто не «засвечен» по телу.

И последний вопрос: какой вы видите Партию в будущем году или через 5–10 лет?

– Ответственной. Когда разговариваешь и рассказываешь не только о себе, но и о том большом общем, частью которого ты являешься, в данном случае о государстве и о Партии: что такое «Единая Россия»? Это инструмент, который делает государство сильнее, делает управляемость более стройной. И тогда, и сейчас главное – ответственная работа. Мы позволяем себе отойти от формализованных, утвержденных съездами партийных утверждений, если речь идет об интересе государства.

Звучит для кого-то сложно: государство, общество, население, страна, граждане. При этом не считают, что мы должны мыслить категориями и стремиться к пятидесятилетиям. Но на этом периоде мы свое цементирующее начало подтвердили.

У нас есть очевидные огрехи – например, последствия быстрого роста. Или (роль личности в истории никто же не оменял) задача уравновесить взаимодействие Высшего и Генерального советов. Это сейчас все согласованно и достаточно стройно, понятны все механизмы. Но были периоды неуместного, ненужного, делающего и нас, и государство более слабыми и смешными противостояния.

И еще одно. Для нас очень важно не объяснять, почему мы приглашаем к ответственной работе на благо государства, а объяснить, почему мы сами, каждый из нас, в этом убеждены. Каждый из участников, каждый из пропагандистов должен объяснить причину своей убежденности, а не пытаться, вооружившись конспектами, довести ожидаемые эффекты до большинства. Те, кого не показывают по телевизору, каждый из них, производят огромный вклад в общее будущее. И с опорой именно на их поддержку нам нужно достигать принятия сложных решений. Особенно сейчас.

Кли уже заговорили про сейчас: санитарные данные просто свирепые. Кто мог подумать, что какая-то баццлла, точнее, вирус загонит нас в изоляцию? Тем не менее, мы многому учимся. И государство справилось с вызовом, смогло обеспечить огромные, непредсказуемые, unplanned выплаты не только специалистам, но также уязвленным, не готовым о себе позаботиться в условиях рыночной конкуренции категориям. Например, многодетным семьям. Это говорит о том, что у государства есть запас. А кто в этом участвовал? В создании этого запаса есть не главный, но очевидный, заметный участник, и название у него – «Единая Россия».

Беседу вел Алексей Обласов

